

ДУХОВЕНСТВО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В ГРЕЧЕСКОЙ СЛОБОДЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА*

А. Н. Андреев

В статье рассмотрен орденский и персональный состав священнослужителей петербургской римско-католической церкви в первой трети XVIII в. (до пожара, уничтожившего в 1737 г. церковь Греческой слободы). До 1719 г. церковной работой в городе занимались преимущественно иезуиты, на смену им прибыли капуцины и францисканцы-реформаты. Автором выделены основные направления их деятельности — политическая, прозелитическая, миссионерская и педагогическая. Сделан вывод о том, что церковная организация петербургских католиков одновременно являлась и приходом, и миссией (как де-факто, так и де-юре). Рассмотрены условия работы священников, проанализированы их отношения между собой, а также практика общения с конгрегацией пропаганды веры. Между патерами часто шла конкурентная борьба за власть и влияние, в результате чего приход раскалывался на враждебные группировки, однако миссия продолжала выполнять свои функции.

Ключевые слова: римские католики, католическое духовенство, католические общины, католический приход в Санкт-Петербурге, русское общество, Россия в XVIII в.

В первые годы своего существования (1703—1709) петербургская римско-католическая община периодически окормлялась иезуитами из Москвы — вероятно, Франциском Эмилианом, Иоанном Биролой и Илей Броджио, имевшими постоянное пребывание в первопрестольной и подчинявшимся провинциалу «Общества Иисуса» Богемской (Чешской) провинции¹. В марте 1710 г. в Петербурге совершал таинства «достопочтенный отец Скотти (Scotti), иезуитский миссионер» [4, л. 2], но был ли он постоянным священником прихода — неизвестно. В начале XVIII в. в католических общинах России служили преимущественно иезуиты [3, с. 73], однако в городе на Неве они закрепились не сразу. Первым постоянным приходским священником Петербурга архивная ведомость называет иеромонаха бенедиктинского ордена Вольфганга Гайдингера (Гейдингера)² — немца, который, возможно, стал производить систематические записи о крещениях и венчаниях [6, с. 23]. Гайдингер служил в церкви Греческой слободы, по крайней мере, с 1710 г. по 1713 г. (в метриках указано, что 17 апреля 1711 г. он крестил сына купца Пьетро Салучи, а 21 декабря 1712 г. — сына капитана Франциска Суича [4, л. 2—3]). Однако уже в 1713 г. приход возглавил иезуит литовской орденской провинции Даниэль Жировский — поляк, прибывший в Петербург из Митавы. К нему вскоре присоединились и другие иезуиты — в том же году итальянец Джузеппе Мартинелли, в сентябре 1715 г. немец Михаил Энгель (по рекомендации лифляндского епископа

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01205.

¹ См. данные иезуитской миссии за 1704—1706 и 1708 гг. [1, с. 194—198]. О миссии Броджио подробно см. [2, с. 310—319; 3, с. 73, 275].

² «Ведомость о Санкт-Петербургской римско-католической приходской св. великомученицы Екатерины церкви» составлена в середине XIX в. [5, л. 12 об.].

Х. Шембека) [7, л. 1], а в конце 1715 г. австриец Иоганн Байер (Бауэр, «Иван Кондратов сын Баер»), позднее ставший одним из видных миссионеров Москвы³ [8, л. 2 об.—3, 4 об.—5]. Петербургские иезуиты не только служили литургию и совершали таинства для местных католиков, но и занимались запрещенной законом прозелитической работой. Так, Жировский сразу же по своем прибытии основал в Петербурге «миссионерский пункт», который сами священники называли «обителью» [10, с. 270]. Иезуиты привлекали в костел православных россиян, читали им проповеди и имели некоторый успех⁴. Достоверно известно, что о. Михаил Энгель производил обращения в католичество — сам он признавался в конвертизме семьи каменщика лютеранского исповедания Шеле [11, л. 13]. В 1718 г. московские друзья-иезуиты поздравляли его с «превращением овцы погибшей», под которой разумелся А. Ю. Ладыженский — первый русский иезуит из дворян, факт «окатоличивания» которого вызвал общественный резонанс и имел немалые последствия⁵. Вообще иезуиты развернули в Петербурге самую разнообразную деятельность, далеко выходящую за пределы собственно приходских обязанностей. Например, они занимались научной работой — вели атрибуцию книг в царской библиотеке, располагавшейся сначала в Зимнем дворце, а потом в Кикиных палатах [13, с. 143]. Являясь резидентами австрийского двора, иезуиты Жировский, Энгель и

³ По версии некоторых историков, миссия в Петербурге с постоянными священниками была образована только в 1715 г. [9, с. 334].

⁴ Такие проповеди были обнаружены в личных вещах о. Михаила Ангеля [11, л. 2 об.].

⁵ В это время А. Ю. Ладыженский находился в Риме, где готовился принять монашество. Возможно, к его дальнейшему укоренению в католической традиции был как-то причастен Энгель. См. специальную публикацию [12, с. 143—154].

Байер оказались причастными к истории с бегством царевича Алексея, за что (вкуче с прозелитизмом) были изгнаны из России указом от 17 апреля 1719 г. [14, с. 444—447; 11, л. 1—44; 15, л. 2—4 об.].

В том же 1719 г. для служения в католических приходах России Петр I специальной грамотой разрешил прибыть из Рима капуцинам [16, л. 1]. До их приезда, воспользовавшись наступившим «безвластьем», настоятелем петербургской церкви себя провозгласил итальянский капуцин Патриций Медиоланский (Патриций из Милана, Патрик, *Patritius da Milano*), в течение ряда лет окормлявший общину в Астрахани [3, с. 73, 277]. Патриций отправился в Петербург под предлогом решения проблем астраханских католиков (в частности, для получения разрешения построить в Астрахани костел), но предпочел остаться в столице «с чином начальническим» [17, л. 36; 18, л. 3 об.]. В метрической книге прихода первая запись о совершении им таинства крещения сделана 5 августа 1719 г. [4, л. 10]. Следовательно, как минимум с августа 1719 г. Патриций окормлял приход. Иногда в церкви ему помогали служить заезжие монахи, к которым, по-видимому, следует отнести иезуита Станислава Вузуского, крестившего 8 мая 1720 г. девочку [4, л. 11]. Однако вскоре власть Патриция была оспорена, и в приходе начались смуты и противостояния. В июне 1720 г. (или чуть раньше) в Петербург прибыли представители францисканцев, среди которых были как монахи Ордена Братьев Меньших (реформаты¹), так и капуцины, почему российские власти всех прибывших священников именовали «капуцинами» [19, л. 1]. Главой францисканцев был о. Яков Деолегио (Джакомо д'Оледжио, Леоледжио, *Giacomo d'Oleggio*), наделенный полномочиями суперiorsа «ингерманландских провинций». Под его началом находились приехавшие с ним францисканцы-реформаты: итальянец Микеланджело да Вестинье (из Турина, по другим источникам — из Венеции), немец Бонаventura Шульц и поляк Доминик Центавский. Главным среди капуцинов значился Венусто Даже (*Venustus Daguet*), уроженец швейцарского города Фрибурга, под началом которого состоял Теодозий Вюст (Луцернский). Капуцины сразу же должны были отправиться на служение в Москву [19, л. 1], однако задержались в городе на Неве на несколько лет². Относительно даты прибытия этих шести монахов в Петербург информация в документах противоречива: указываются 10 июня, 11 июня, 25 июня и 1 августа 1720 г.³ Интересно, что в метрической книге петербургского костела уже 29 мая 1720 г. сделана запись о крещении, произведенном Венусто из Фрибурга, причем он назван суперiorsом [4, л. 11 об.]. Прибыл ли он раньше

других, или в делопроизводственных документах зафиксированы ошибочные сведения, — решить трудно⁴. Главное, что последователи св. Франциска уже летом 1720 г. начали активно действовать в Петербурге, деля власть.

Так, Деолегио, ссылаясь на декрет конгрегации пропаганды веры от 25 сентября 1719 г., наделивший его полномочиями в «Ингерманландской, Лифляндской и околичных провинциях» [19, л. 7], потребовал немедленно передать ему приход и дела миссии. Капуцины — как Патриций, так и вновь прибывшие Венусто с Теодозием, — не согласились, отстаивая свое право на церковь Греческой слободы и дом при ней (госпитию). Так начался конфликт, суть которого подробно рассмотрена в публикациях [22, с. 68—76; 23, с. 256—258; 24; 25, с. 7]. Следует лишь добавить, что даже среди капуцинов относительно старшинства не было согласия. Отношения между Патрицием и Венусто оставались напряженными, поскольку каждый из них претендовал на статус настоятеля-супериора: Патриций, отвечая перед иностранной коллегией, в апреле 1721 г. утверждал, что он «в службе первенствует», и под его началом обретаются Венусто и Теодозий Луцернский [18, л. 3 об.; 26, л. 30 об.]. Однако в метриках Венусто именуется суперiorsом, тогда как Патриций — просто апостолическим миссионером⁵.

В конце 1720 г. и начале 1721 г. состав приходского духовенства в Петербурге заметно расширился — к уже упомянутым священникам присоединились францисканцы-реформаты Фаустин Шиманьский и о. Бонаместра из Варшавы (прибыли 3 сентября 1720 г.), а также капуцин Аполлинарий фон Вебер из Швейцарии (12 апреля 1721 г.) [21, л. 10—11 об.]. В 1723 г. в город прибыл о. Петр Хризолог из Венской орденской провинции капуцинов [22, с. 72]. Все они не только совершали обряды в церкви Греческой слободы⁶, но и, в свою очередь, включились в политическую борьбу между двумя орденами. Римская курия была возмущена действиями капуцинов и особенно Патриция, которому дали понять, что его поступки свидетельствуют о «забвении смиренности носимой им святой ризы»⁷. Конгрегация пропаганды стремилась заменить в Петербурге капуцинов францисканцами-реформатами. В итоге Патриций был вынужден подчиниться, и в 1722 г. отправился управлять миссией в Москву, однако власть в приходе сразу же узурпировал Аполлинарий фон Вебер («Аполлинарий из Швица»), самовольно взявший на себя обязанности петербургского суперiorsа по знатности своего рода. Аполлинарий был сыном ландмана и кавалера Якова фон Вебера, принадлежал к швейцарской аристократии, а потому считал себя вправе без папского благословения управлять

¹ Во избежание путаницы будем их именовать просто францисканцами.

² Венусто в 1721 г. служил в Москве, но в 1722 г. снова прибыл в Петербург и в том же году выехал из России [3, с. 75, 277]. Теодозий Луцернский отправился из Петербурга в Москву только в 1723 г. [20, л. 3—12].

³ 10 июня 1720 г. — в выписке коллегии иностранных дел [19, л. 1]; 11 июня 1720 г. — в делах «старых и новых лет» Посольского приказа [16, л. 1]; 1 августа 1720 г. — в синодском деле [21, л. 11 об.].

⁴ Иезуит Иоанн Байер (Бауэр) в письме от 4 марта 1720 г. писал, что шесть «капуцинов» прибыли «несколько дней тому назад» во Вратислав [1, с. 214].

⁵ См. данные о крещении, совершенных Венусто и Патрицием в 1720—1721 гг. [4, л. 11 об.—13].

⁶ Уже 2 октября 1720 г. зафиксировано крещение, совершенное Фаустином. Капуцин Аполлинарий начал крестить детей только в декабре 1722 г. [4, л. 12, 17 об.].

⁷ См. письмо кардинала Иосифа Сакропантского из Рима Патрицию [17, л. 37].

Исторические науки

приходом (отсюда и его прозвание — «Старший»)¹ [27, л. 1—5]. От этого конфликт разгорелся больше прежнего, так что в конце 1724 г. Петр I повелел выслать из России как капуцинов, так и францисканцев «за их беспокойное житье»².

Аполлинарий и Хризолог в январе 1725 г. покинули Петербург, а потом, в июне того же года, и империю [31, л. 63]. Та же участь постигла францисканцев-реформатов, из которых разрешено было временно остаться только двум священникам на усмотрение прихожан. Петербургские католики выбрали Деолегио и Шиманьского [30, л. 65—65 об.]. Кроме них в городе еще какое-то время оставались и другие священники, не служившие (или редко служившие) в церкви Греческой слободы: у французских рабочих-строителей с 1714 по 1726 г. папером был францисканец о. Петр Кайо (Койлот, «Петр Француз») [32, л. 8—16; 33, л. 1], в доме Б.-К. Растрелли с 1721 г. служил Кондилье («Колдимер из Парижа»)³ [26, л. 31], духовником французской дипломатической миссии и лично Ж. Кампредона в 1725 г. оставался швейцарский капуцин Роман Гела (Романус) [28, с. 282], священником при цесарском резиденте Себастьяне Гогенгольцере состоял Иероним Сакеллано [4, л. 23, 24 об.]. Высылка францисканцев отрицательно сказалась не только на развитии петербургских римско-католических общин, но и объединений католиков в других городах северо-западного региона — Кронштадте, Риге, Ревеле и Або, куда для окормления верующих периодически ездили Доминик Центавский, Бона-

¹ Об Аполлинарии и других швейцарских капуцинах (Венусто Даже и Теодозии Вюсте) см. книгу швейцарского историка Гарри Шнайдера «Швейцарские теологи в царской России» [28, с. 282—285].

² 10 ноября 1724 г. в коллегии иностранных дел император повелел выслать капуцинов и францисканцев из России [29, л. 13—13 об.; 30, л. 64 об.]. 12 января 1725 г. коллегией было издано соответствующее постановление [22, с. 74].

³ Возможно, он же упоминается в 1728 г. под именем Петра Кордильера (Petrus Cordillier Gallo) [4, л. 31].

вентура Шульц и др. патеры [30, л. 25—25 об., 37; 34, л. 9; 35, л. 1; 31, л. 22].

Усиление и ослабление влияния тех или иных священников в петербургском приходе в период смуты можно отчетливо проследить, анализируя совершенные ими крещения (см. табл. 1). В 1721 г. безусловным авторитетом обладал Патриций, совершивший больше всего обрядов, а «вторым лицом» в приходе являлся Венусто Даже. В 1723 г. безусловно лидировал Аполлинарий, который, однако, не смог полностью вытеснить из прихода Деолегио. В 1724 г. обращает на себя внимание более равномерное распределение церковных обязанностей среди францисканцев; в то же время становится ясно, что капуцин Аполлинарий потерял значительную часть своей власти.

Капуцины, впрочем, не оставляли надежду вернуться в Петербург, действуя путем политических интриг. Еще 20 января 1725 г. Аполлинарию и Хризологу было повелено выехать из России, однако они не поспешили выполнить это распоряжение. Хризолог самовольно «задержался» в Ревеле у тамошних католиков и наладил переписку с некоторыми лицами при дворе, взявшимися хлопотать за капуцинов («придворной мадамой Яганной», А. Древником) [36, л. 4—19 об.]. Отец Петр надеялся на проавстрийскую ориентацию окружения великого князя Петра Алексеевича: было выяснено, что еще до своей высылки он пытался установить тайные сношения с наследником престола. Его задержка в Ревеле, вызванная смертью Петра I, тоже вызвала «суспицию», в результате чего капуцин был заподозрен в шпионаже и находился под следствием в Тайной канцелярии до конца июня 1725 г. (т. е. вернулся в Петербург, но уже в качестве арестанта) [31, л. 2—17 об., 19, 63]. Отец Аполлинарий всю первую половину 1725 г. жил при генерале Вейсбахе в Ахтырке на Украине, но затем проходил по одному делу с Хризологом в Тайной канцелярии. Окончательно они были высланы из Петербурга и

Таблица 1

Число крещений, совершенных отдельными священниками в католическом приходе Петербурга в 1721—1724 гг.*

Священник	Количество крещений			
	1721 г.	1722 г.	1723 г.	1724 г.
Патриций Медиоланский, OFM Сар.	15	—	0	—
Венусто Даже, OFM Сар.	6	—	0	—
Бонавентура Шульц, OFM	3	8	5	3
Теодозий Луцернский, OFM Сар.	2	—	3	—
Фаустин Шиманьский, OFM	1	—	0	4
Яков Деолегио, OFM	0	1	5	4
Аполлинарий фон Вебер, OFM Сар.	0	2	15	3
Пьер Кайо, OFM	0	1	0	—
Микеланджело да Вестинье, OFM	0	1	0	—
Петр Хризолог, OFM Сар.	0	—	2	1
Всего крещений за год**	27	28	30	16

* Таблица составлена по источнику: [4, л. 12 об.—22 об.].

** В метриках не во всех случаях указано, кто совершил таинство крещения, поэтому итоговая цифра не всегда совпадает с суммой обрядов, совершенных перечисленными священниками.

империи согласно указу от 25 июня 1725 г. [31, л. 42, 61—61 об., 63].

Высылая оба ордена из империи, Петр I намеревался пригласить доминиканцев, однако последние так и не прибыли в Россию. Приход остался в руках францисканцев — супериором и префектом миссии вплоть до своей смерти, последовавшей в 1729 г., являлся Деолегио¹, а его заместителем (вице-префектом) — Фаустин Шиманьский [4, л. 33—35]. Состав францисканской миссии продолжал пополняться: в конце 1726 г. в Петербург прибыл о. Антоний Брукенталь, уроженец Праги, очень образованный священник, некогда служивший в российской армии генерал-адъютантом и исполнявший дипломатические поручения Петра I при австрийском, саксонском и польском дворах [24]. Первое крещение в костеле он совершил 13 января 1727 г. [4, л. 28, 35] В 1727 г. в приходе также служил патер Целестин Лиш (Caelestin Lisch) из Ордена Братьев Меньших конвентуальных [4, л. 31]. Тогда же, в конце 1720-х гг., в церкви Греческой слободы появились францисканцы Йозеф Венгелер (из Кельнской провинции ордена) и Карло де Лука². Наконец, в октябре 1729 г. в Петербург прибыл новый префект, назначенный конгрегацией пропаганды веры на место Деолегио, — о. Микеланджело Вестинье (Michael Angelus de Vestigné), соратник почившего префекта, уже служивший в петербургском костеле в 1720—1724 гг. Вероятно, в связи с его прибытием Фаустин Шиманьский и Антоний Брукенталь оставили приход — последние свои крещения они совершили в августе 1729 г. и больше в метрических книгах не упоминаются

¹ Умер в Петербурге. Интересную информацию о нем приводит М.М. Фатеев (например, о том, что Деолегио чуть не утонул в 1728 г. во время наводнения в Петербурге) [24]. Однако указанная Фатеевым дата смерти Деолегио («первый день 1729 г.») сомнительна, т.к. в метрической книге прихода Деолегио еще 27 мая 1729 г. совершал крещение [4, л. 34].

² Согласно метрической книге прихода, Венгелер совершил первое крещение 13 января 1729 г., а Карло де Лука — 15 мая 1729 г. [4, л. 33].

[4, л. 34]. Благодаря им во второй половине 1720-х гг. в приходе усилилось немецкое влияние³: немцы чувствовали себя хозяевами, проповеди в церкви читались преимущественно на немецком языке, в богослужении преобладали немецкие песнопения, чем были недовольны другие национальные группы верующих (главным образом, французы и итальянцы). Интересы немецкоязычных прихожан и их доминирующее положение продолжал защищать Йозеф Венгелер, с которым Вестинье вступил в противоборство. Новый префект попытался провести приходскую реформу, стремясь унифицировать обрядность и добиться консенсуса: он отменил немецкие песнопения, заменив их григорианскими хоралами на латинском языке в сопровождении органной музыки (хоралы имели грандиозный успех — послушать их приходили даже православные и лютеране)⁴. Вестинье распорядился, чтобы воскресные проповеди читались поочередно на разных языках, однако немцы оценили эти действия как оскорбление своих национальных чувств. Префект провел кадровую «чистку» и позаботился о помощниках в проведении реформы: в 1730 г. он пригласил патера Бенвенуто, в 1731 г. на место Венгелера призвал из Риги владеющего немецким языком патера Стефануса а Фундо⁵, а самого Венгелера (по настоянию Вестинье) конгрегация пропаганды в 1733 г. отозвала в Германию⁶. Тем не менее, по свидетельству очевидцев, Вестинье так и не сумел решить проблему национальных противоречий [24]. Занимаясь исключительно перспективным развитием миссии, префект мало уделял внимания приходским делам. Это хорошо видно из данных таблицы 2 — о. Микеланджело совершал не так

³ Фаустин и Антоний были дружны. Одно время, в 1721 г., Фаустин проживал в доме Брукенталья в Ревеле. Брукенталь тогда был еще полковником [19, л. 29; 26, л. 30 об.].

⁴ О реформах Вестинье подробнее см. статью М. М. Фатеева [24].

⁵ См. о них в метрической книге [4, л. 36 об.—38 об.].

⁶ Венгелер совершил последние крещения в петербургском приходе в 1733 г. [4, л. 40; 24].

Таблица 2

Число крещений, совершенных отдельными священниками в католическом приходе Петербурга в 1725—1731 гг.*

Священник	Количество крещений						
	1725 г.	1726 г.	1727 г.	1728 г.	1729 г.	1730 г.	1731 г.
Фаустин Шиманьский	7	8	14	5	6	0	0
Яков Деолегио	11	16	13	9	1	0	0
Иероним Сакеллано	1	0	—	—	0	0	—
Антоний Брукенталь	—	0	3	4	2	0	0
Целестин Лиш	—	0	1	—	0	0	—
Йозеф Венгелер	0	0	—	—	7	10	7
Карло де Лука	0	0	—	—	4	0	—
Микеланджело Вестинье	0	0	0	0	2	3	2
Бенвенуто	0	0	0	0	0	2	5
Стефан а Фундо	0	0	0	0	0		1
Всего крещений за год**	20	24	33	24	22	15	19

* Таблица составлена по источнику: [4, л. 12 об.—22 об.].

много крещений, хотя обычно священник в ранге настоятеля принимал на себя большую часть церковных обязанностей.

Под давлением прихожан Микеланджело да Вестинье был вынужден навсегда покинуть Петербург — в январе 1735 г. он выехал в Рим, и место префекта, по распоряжению курии, занял Карло де Лука (Карло Франциско а Лукора), в равной степени уважаемый петербургскими католиками разных национальностей [24]. Он занимал это место вплоть до самой своей смерти в 1752 г., совершая таинства¹ и выступая распорядителем нового церковного строительства, поскольку при нем (в ночь на 25 июня 1737 г.) произошел пожар, обративший в пепел всю Греческую слободу вместе с церковью².

Карло де Лука обладал большим нравственным авторитетом, и время его настоятельства стало эпохой мирного сосуществования общин в рамках единого столичного прихода. Он и его коллеги (Капистран Клейн³, Стефан а Фундо (Дефондо) и еще один священник, чье имя не удалось установить⁴) запомнились как человеколюбивые пастыри. Об этом свидетельствует в своих записках придворный ювелир Иеремия Позье, в течение ряда лет находившийся в ученье у гранильщика Граверо, одного из видных и богатых прихожан петербургского костела. Позье жил в доме своего учителя, но поскольку был кальвинистом, то нередко претерпевал нападки со стороны Граверо. Последний, очень агрессивный по натуре, однажды избил подмастерье, и патеры во главе с Карло де Лука, проживавшие у Граверо в отдельных комнатах (после пожара в Греческой слободе они нашли приют у гранильщика), поспешили Позье на выручку, за что сами пострадали от тяжелой руки хозяина. Позье трогательно описывал, как «добрые патеры» перевязали ему раны и были очень к нему расположены [42, с. 55—56].

Не меньшим авторитетом у петербуржцев (причем не только католиков) пользовался Яков Деолегио — опытный миссионер, до прибытия в Россию занимавшийся проповеднической деятельностью в Эфиопии и Персии [43, с. 339; 44, с. 504—505]. Он старался действовать легитимно, апеллировал

¹ Карло де Лука отличался активностью в совершении таинств [4, л. 38 об.—40; 37, л. 1—21]. Последнее крещение совершил 18 мая 1752 г.

² См. «Доношение Комиссии о строении Санкт-Петербургской о выборе места под стройку церкви» 10 сентября 1738 г. [38, л. 31 об.].

³ Францисканец «цесарской земли города Ратибора». Жил в Варшаве, откуда был взят в Ригу обершталмейстером графом К.-Г. Левенвольде. После смерти своего патрона (30 апреля 1735 г.) отправился из Риги в Петербург для служения в костеле [39, л. 3].

⁴ Зимой 1736—1737 гг., по свидетельству датского пастора Педера фон Хавена, жившего тогда недалеко от церкви Греческой слободы, в католическом приходе служили 4 священника — итальянец, немец, поляк и француз [40, с. 41]. Итальянец — это, конечно же, Карло де Лука, немец — Клейн. Кроме того, еще 25 июля 1735 г. священник православной церкви св. Исаака Далмацкого Иоанн Стефанов донес в Петербургскую духовную консисторию, что в костеле Греческой слободы «имеется четыре пастора, а именно: Делука, Стефан Дефондо, Питер Клейн...», имя четвертого священника написано неразборчиво [41, л. 26].

к власти папского Престола, с честью выполнял свои священнические обязанности и, в конечном итоге, после высылки капуцинов и францисканцев, благодаря этим качествам остался во главе миссии и прихода⁵. Однако далеко не все патеры обладали необходимым смирением и безукоризненной нравственностью. Выше уже было отмечено тщеславие Патриция Медиоланского — по словам кардинала Иосифа Сакропанти, Патриций предал забвению дело «спасения душ» пасомых ради властных полномочий [17]. Капуцин Аполлинарий («весьма неучтиво»), с бранью, обрушивался на своих оппонентов во время отмеченного конфликта в церкви [30, л. 41 об.]. Особенно прославился дурным поведением и «буйным нравом» о. Петр Кайо («сир Кайо»), за что Петр I повелел включить его в состав шутовского конклава во время одного из Всешутейших и всепьянейших соборов [3, с. 209]. О. Петр обвинялся в дебоширствах, драках и богохульствах, хотя есть основания утверждать, что Кайо был просто оклеветан французским министром Ж. Кампредоном [45].

Немаловажным фактором развития церковной организации петербургских католиков, безусловно, являлось материальное обеспечение духовенства. Посылая священников на служение в Россию, Римская курия не гарантировала им постоянное денежное довольствие. Ватикан неохотно выделял деньги и на нужды прихода: в период реконструкции храма Греческой слободы (его перестраивали в камне в 1720—1726 гг.), «св. Престол» переслал лишь часть суммы, необходимой для строительства [23, с. 253]. В начале XVIII в. иезуитские миссии в России изредка поддерживались Австрийским двором, хотя выплаты из Вены тоже не носили регулярного характера [3, с. 77]. После высылки из России ордена Иисуса капуцины и францисканцы не имели вовсе никакого содержания и были вынуждены кормиться за счет прихожан — «питались подаванием», как говорится в документах Синода и Иностранной коллегии [18, л. 4; 30, л. 19]. В этом, кстати, заключалась одна из причин противостояний в приходе: богатые католики содержали церковь и клир, а потому часто желали видеть настоятелем и вице-префектом «своих» патеров, а не назначенцев из конгрегации пропаганды. О бедственном материальном положении духовенства в 1729 г. писал испанский посланник герцог де Лириа, отмечая, что «щедрость государя императора могла бы исправить положение, если бы он соблаговолил предоставить им часть того содержания, которое получали иезуиты, когда они ведали делами миссии» [46, с. 132]. Содержание патерам не было назначено, но надежды посланника на поддержку от российских властей имели некоторое основание, т.к. еще Петр I помогал «римским духовным»: 20 октября 1724 г. из сумм Кабинета Его Величества были выданы 20 рублей «католицкому капуцину Аполлинарию для его бедности на платье» [47, с. 242]. Неудивительно, что латинские монахи, наставляемые своим «высокопочтимым» начальством, стремились обрести покровительство знатных русских господ⁶.

⁵ О поддержке, оказанной о. Якову см.: [45].

⁶ Кардинал Иосиф Сакропанти в письме от 2 ноября 1720 г. писал неизвестному францисканцу в Петербург

Впрочем, даже в условиях финансовой нестабильности и, прямо скажем, бедности, несмотря на частые конфликты между разными национальными группами прихожан и вражду между собой, петербургские патеры не забывали одну из главных своих обязанностей перед папским престолом — прозелитическую работу. Недаром священники официально именовались апостолическими миссионерами, так что в 1769 г. Екатерина II посчитала нужным запретить это звание в России. В 1721 г. папа Иннокентий XIII предписывал петербургским монахам любыми мерами склонять в латинскую веру православных русских [48, с. 253]. Капуцин Аполлинарий (тот самый, который просил у царя на бедность, хотя считался аристократом) доносил в феврале 1722 г. в конгрегацию о состоянии дел в петербургской миссии: «Количество преедик, сказанных в Санкт-Петербурге и в Москве нашими миссионерами, достигло 400, исповедано было 200 человек, обращено 25 человек за короткий двухлетний промежуток времени» [44, с. 541]. Папа в ответ похвалил капуцина и констатировал следующее: «по духовным экзерцициям трудов твоих многие греческого исповедания россияны на римскую веру обратились» [31, л. 61 об.]. На допросе в Тайной канцелярии Аполлинарий отрицал факт обращений россиян, но сознался, что читал проповеди на итальянском и немецком языках, которые охотно приходили слушать образованные православные [31, л. 61 об.]. Еще раньше, в 1721 г., ассессор только что учрежденного Св. Синода А. Кондоиди докладывал о тайной переписке петербургских францисканцев и капуцинов с конгрегацией, из которой следовало, что римские монахи «живут при Санкт-Петербурге в домах партикулярных, сочиняют собиралища и сонмища междуособные, служат святых таинств, чинят казания, или проповеди, при которых бывают и нашего закона, и, не довольствуясь в едином месте, сие управляют при доме Пинона, при доме Растреллия, Тарсиния (Трезини — ред.) и Змаевича» [17, л. 11 об.].

Священники не только стремились обратить в свою веру православных, но и крестили петербуржцев-мусульман¹, что было воспрещено российскими законами, но не всегда преследовалось на практике [49, с. 6—11]. Патеры (Бонавентура Шульц, Микеланджело да Вестинье и др.) занимались и педагогической работой — в основном, среди детей своих прихожан [9, с. 335], но иногда учили языкам и разным наукам православных учеников. Так, в 1721—1723 гг. в помещении госпитали (доме при церкви) под руководством все того же капуцина Аполлинария из Швица действовала школа. В ней обучались сначала «пять русских “ноблей”, трое католиков и два лютеранина», а затем в этом заведении оказался сын одного из царских фаворитов [9, с. 335].

(Деолегио?), советуя «промыслить» себе покровительство «господ», чтобы поселиться на житье в столице [17, л. 12].

¹ В 1708 г. католиком стал татарин Караим — пленный, содержавшийся на одной из трюм в Петербурге [1, с. 197]. 6 января 1733 г. в приходе был крещен некий «Петр Иванович татарской нации магометанской секты», его крестным стал Петр Иванович Буда (Зуда), секретарь коллегии иностранных дел [4, л. 40].

Таким образом, петербургские латинские священники, изначально нацеленные на усиление позиций католичества в России, не ограничивались исполнением только своих прямых церковных обязанностей. Они осуществляли разнообразную деятельность, выходящую далеко за рамки собственно приходских нужд, — прозелитическую, миссионерскую, педагогическую и политическую. Церковная организация петербургских католиков одновременно являлась и приходом, и миссией (как де-факто, так и де-юре), что предопределило пропагандистские усилия патеров. В целом, культурная жизнь католиков Петербурга была неплохо организована, но на благополучии прихода отрицательно сказывались межнациональные конфликты и борьба духовенства за влияние. Частые столкновения между патерами раскалывали приход на враждебные группировки, однако миссия продолжала успешно выполнять свои функции. Рост влияния католиков Петербурга на духовную жизнь России определялся не только процессами функционирования самих общин, но и социальными практиками римских священников.

Литература и источники

1. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии. — Рязань : Александрия, 2010. — 336 с.
2. Florovský, A. V. *Čeští Jesuité na Rusi. Jesuité české provincie a slovanský východ* / A. V. Florovský. — Praha : Vyděhrad, 1941. — 468 s.
3. Андреев, А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. / А. Н. Андреев — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. — 393 с.
4. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31.
5. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 493. Ч. 1.
6. Ханковская, Р. Храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге / Р. Ханковская. — СПб. : Чистый лист, 2001. — 240 с.
7. РГАДА. Ф. 152. Оп. 1 (1715 г.). Д. 1.
8. РГАДА. Ф. 152. Оп. 1 (1716 г.). Д. 2.
9. Флоровский, А. В. Латинские школы в России в эпоху Петра I / А. В. Флоровский // XVIII век : сб. ст. — Вып. 5. — М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. — С. 316—335.
10. Маракушина, Е. В. Историко-религиоведческий анализ деятельности ордена иезуитов в Санкт-Петербурге / Е. В. Маракушина // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Серия 6. — 2007. — № 3. — С. 269—277.
11. РГАДА. Ф. 152. Оп. 1 (1719 г.). Д. 1.
12. Андреев, А. Н. Русский иезуит А. Ю. Ладыженский: неисследованная страница в истории русского католицизма XVIII столетия / А. Н. Андреев // Отечественная история. — 2008. — № 3. — С. 143—154.
13. Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году // Ю. Н. Беснятых. Петербург Петра I в иностранных описаниях. — Л. : Наука, 1991. — С. 158—161.
14. Журнал или поденная записка блаженного и вечнодостойного памяти Государя Императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. — Ч. 2. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1772. — 763 с.
15. РГАДА. Ф. 152. Оп. 1 (1719 г.). Д. 3.
16. РГАДА. Ф. 152. Оп. 1 (1719 г.). Д. 4.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 453.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 1292.

19. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1720 г.). Д. 4.
20. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 661.
21. РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 286.
22. Кузнецов, Н. Д. *Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии* / Н. Д. Кузнецов // *Временник Демидовского юридического лицея*. — Кн. 75. — Ярославль : Типолиотография Э. Г. Фальк, 1898. — С. 65—104.
23. Самыловская, Е. А. *Повседневная жизнь петербургской католической общины в первой трети XVIII в.* / Е. А. Самыловская // *Труды Государственного Эрмитажа*. — Т. 70. *Петровское время в лицах : материалы науч. конф.* — СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. — С. 252—262.
24. Фатеев, М. М. *Участие светской власти в разрешении конфликтов в петербургской католической общине в XVIII в.* / М. М. Фатеев. — URL: <http://www.catherine.spb.ru/index.php/comments/parish-civill-auth> (дата обращения: 08.07. 2013 г.).
25. Андреев, А. Н. *Правовое положение петербургских католиков и практика их взаимодействия с органами власти в XVIII в.* / А. Н. Андреев // *Гуманитарные научные исследования*. — 2014. — № 4. — С. 6—7.
26. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1760 г.). Д. 1.
27. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1720 г.). Д. 3.
28. Schneider, H. *Schweizer Theologen im Zarenreich (1700—1917). Auswanderung und russischer Alltag von Theologen und ihren Frauen* / H. Schneider. — Zürich: Verlag Hans Rohr, 1994. — 396 s.
29. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 5.
30. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540.
31. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 204.
32. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1725 г.). Д. 1.
33. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1726 г.). Д. 1.
34. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 2.
35. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1732 г.). Д. 1.
36. РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 126.
37. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 1.
38. РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 1032.
39. РГИА. Ф. 796. Оп. 16. Д. 89.
40. Хавен, П. фон. *Путешествие в Россию* / Педер фон Хавен. — СПб. : Изд-во журнала «Всемирное слово», 2007. — 527 с.
41. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 122. Д. 298.
42. *Записки придворного брильянтичника Позье о пребывании его в России с 1729 по 1764 г.* // *Русская старина*. — 1870. — Т. 1. — № 1. — С. 42—127.
43. Turgenew, A. J. *Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis depropterea ab A. J. Turgenewio / A. J. Turgenew*. — Petropoli : Typ. Edward Pratz, 1842. — Т. 2. — VII, XIII, 451 p.
44. Theiner, A. *Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples / A. Theiner*. — Rom e: Imprimerie du Vatican, 1859. — 556 p.
45. Андреев, А. Н. *Доминико Трезини — староста римско-католического прихода в Санкт-Петербурге* / А. Н. Андреев // *Российская история*. — 2014 (в печати).
46. *Россия и Испания. Документы и материалы. 1667—1917*. — Т. 1. — М. : Международные отношения, 1991. — 467 с.
47. *200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704—1904*. — СПб. : б. и., 1911. — XX, 148 с.
48. Возгрин, В. Е. *Примечания* / В. Е. Возгрин // П. фон Хавен. *Путешествие в Россию*. — СПб. : Изд-во журнала «Всемирное слово», 2007. — С. 209—391.
49. Андреев, А. Н. *Российские «инородцы» в XVIII веке и западно-христианское влияние* / А. Н. Андреев // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. — 2010. — № 28. — Вып. 15. — С. 6—11.

АНДРЕЕВ Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры искусствоведения и культурологии, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). Сфера научных интересов: история западнохристианских вероисповеданий в России, история духовной культуры России XVIII в., история Русской Православной Церкви. E-mail: alxand@yandex.ru

Поступила в редакцию 16 августа 2014 г.

**Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2014, vol. 14, no. 4, pp. 6–14**

THE PRIESTHOOD OF ROMAN CATHOLIC CHURCH IN THE “GREEK TOWNSHIP” OF ST.-PETERSBURG

A. N. Andreev, South Ural State University, Cheliabinsk, Russian Federation,
alxand@yandex.ru

The article considers the personnel and the cloistral composition of clerics in Petersburg Roman Catholic temple in the first third of the 18-th century (until the grand fire has destroyed in 1737 the temple of the “Greek township”). Before 1719 principally the Jesuits worked in the city, but in 1719 they was followed by Capuchins and Reformed Franciscans. The author accentuates the main activity lines of Roman monks – their political working, religious propaganda and educational practice. The Petersburg Catholic temple simultaneously was both the parish and mission (de-facto and de-jure). The paper also considers the conditions for priesthood’s work, analyzes their relations and their contacts with Congregatio propagandae fide. Often the priests struggled for authority and influence; as a result the parish was split on a few hostile groupings, but the Petersburg Catholic mission carried out the functions.

Keywords: Roman Catholics, Catholic priesthood, Catholic communities, Catholic parish in St.-Petersburg, Russian society, Russia in the 18-th century.

References

1. Pis'ma i doneseniya iezuitov o Rossii kontsa 17 i nachala 18 vekov. Irzhi David. Sovremennoe sostoyanie Velikoy Rossii, ili Moskovii [Letters and reports of Jesuits about Russia of the end of 17-th and the beginnings of 18-th centuries. Irzhi David. The modern condition of Great Russia or Moscovia]. Ryazan: Alexandria, 2010, 336 p.
2. Florovskiy A.V. Čeští Jesuité na Rusi. Jesuité české provincie a slovanský východ / A.V. Florovskiy. — Praha: Vyšehrad, 1941. — 468 s.
3. Andreev A.N. Katolicizm i obshchestvo v Rossii 18 veka [The Catholicism and society in Russia in the 18-th century]. — Chelyabinsk: Izdatel'stvo JuUrGU, 2007, 393 p.
4. Central'nyi gosudarstvennyi istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St.-Petersburg (further — CSHA SPb.)]. Collection 347. Schedule 1. File 31.
5. Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive (further — RSHA)]. Collection 821. Schedule 125. File 493. Part 1.
6. Hankovska R. Khram svyatoy Ekateriny v Sankt-Peterburge [The church of St. Catherine in St. Petersburg]. St.-Petersburg: Izdatel'stvo «Chisty list», 2001, 240 p.
7. Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskiy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts (further — RSAAA)]. Collection 152. Schedule (1715 year). File 1.
8. RSAAA. Coll. 152. Sched. 1 (1716 year). F. 2.
9. Florovskiy A.V. Latinskiye shkoly v Rossii v epokhu Petra I [Latin schools in Russia at the epoch of Peter I] *XVIII vek [Eighteenth century]*. Moscow—Leningrad: Publishing house of the Academy of sciences USSR, 1962, Issue 5, pp. 316—335.
10. Marakushina E.V. Istoriko-religiovedcheskiy analiz deyatel'nosti ordena iezuitov v Sankt-Peterburge [The historical and religious analysis of Jesuits Order's activity in St.-Petersburg] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6 [Bulletin of the St.-Petersburg University. Series 6]*, 2007, № 3, pp. 269—277.
11. RSAAA. Coll. 152. Sched. 1 (1719 year). F. 1.
12. Andreev A.N. Russkiy iezuit A.Yu. Ladyzhenskiy: neissledovannaya stranitsa v istorii russkogo katolitsizma XVIII stoletiya [Russian Jesuit A.Yu. Ladyzhenskiy: the unexplored episode in the history of Russian Catholicism in the 18-th century] *Otechestvennaya istoriya [Russian history]*, 2008, № 3, pp. 143—154.
13. Kratkoye opisaniye goroda Peterburga I prebyvaniya v nyem pol'skogo posol'stva v 1720 godu [The brief description of the Petersburg and stay in the city of Polish embassy in 1720] *Bespyatykh Yu.N. Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniyakh [Bespyatykh Yu.N. Petersburg of Peter I in the foreigners' descriptions]*. Leningrad: Nauka, 1991, pp. 158—161.
14. Zhurnal ili podennaya zapiska blazhenniya I vechnodostoyniya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikogo s 1698 goda dazhe do zaklyucheniya Neishtatskogo mira [The journal or day-book of the blissful and perennially memorable Sovereign Emperor Peter the Great from 1698 till the contraction of the Peace in Neustadt]. St.-Petersburg: Printing-house of the Imperial Academy of sciences, 1772, Part 2, 763 p.
15. RSAAA. Coll. 152. Sched. 1 (1719 year). F. 3.
16. RSAAA. Coll. 152. Sched. 1 (1719 year). F. 4.
17. RSHA. Coll. 796. Sched. 1. F. 453.
18. RSHA. Coll. 796. Sched. 3. F. 1292.
19. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of foreign policy of the Russian empire (further — AFPRE)]. Collection 10. Schedule 10/1 (1720 year). File 4.
20. RSHA. Coll. 796. Sched. 4. F. 661.
21. RSHA. Coll. 796. Sched. 1. F. 286.
22. Kuznetsov N.D. Upravleniye delami inostrannykh isповедaniy v Rossii v ego istoricheskom razvitiy [The control over affairs of foreign confessions in Russia in its historical development] *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya [Bulletin of the Demidov's juridical lyceum]*. Yaroslavl: Tipolitografiya E.G. Valk, 1898, Vol. 75, pp. 65—104.
23. Samylovskaya E.A. Povsednevnyaya zhizn' petersburgskoy katolicheskoy obshhiny v pervoy treti XVIII v. [Daily life of the Petersburg Catholic community in the first third of the 18-th century] *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Petrovskoye vremya v litsakh — 2013: material'no nauchnoy konferentsii [Transactions of the State Hermitage Museum. Personalities from Peter the Great's time — 2013: Proceedings of the conference]*. St.-Petersburg: The State Hermitage Publishers, 2013, Vol. 70, pp. 252—262.
24. Fateev M.M. Uchastie svetskoy vlasti v razreshenii konfliktov v petersburgskoy katolicheskoy obshhine v 18 veke [Participation of the secular authority in the resolution of conflicts in the Petersburg Catholic community in the 18-th century] URL: <http://www.catherine.spb.ru/index.php/comments/parish-civill-auth> (date of the address: 08.07. 2013).
25. Andreev A.N. Pravovoye polozheniye petersburgskikh katolikov i praktika ikh vzaimodeystviya s organami vlasti v XVIII veke [The legal status of Petersburg Catholics and the practice of their interaction with authorities in the 18-th century] *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanities scientific studies]*, 2014, № 4, pp. 6—7.
26. AFPRE. Coll. 10. Sched. 10/1 (1760 year). F. 1.
27. AFPRE. Coll. 10. Sched. 10/1 (1720 year). F. 3.
28. Schneider H. Schweizer Theologen im Zarenreich (1700—1917). Auswanderung und russischer Alltag von Theologen und ihren Frauen. Zürich: Verlag Hans Rohr, 1994, 396 s.
29. AFPRE. Coll. 10. Sched. 10/1 (1724 year). F. 5.
30. RSHA. Coll. 796. Sched. 4. F. 540.
31. RSAAA. Coll. 7. Sched. 1. F. 204.
32. AFPRE. Coll. 10. Sched. 10/1 (1725 year). F. 1.
33. AFPRE. Coll. 10. Sched. 10/1 (1726 year). F. 1.
34. AFPRE. Coll. 10. Sched. 10/1 (1724 year). F. 2.
35. AFPRE. Coll. 10. Sched. 10/1 (1732 year). F. 1.
36. RSHA. Coll. 796. Sched. 6. F. 126.
37. CSHA SPb. Coll. 347. Sched. 2. F. 1.
38. RSHA. Coll. 821. Sched. 125. F. 1032.
39. RSHA. Coll. 796. Sched. 16. F. 89.

40. Haven Peder von. Puteshestviye v Rossiyu [The Wayfaring in Russia]. St.-Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala "Vsemirnnoye slovo", 2007, 527 p.
41. CSHA SPb. Coll. 19. Sched. 122. F. 298.
42. Zapiski pridvornogo brilliyantshhika Posier o prebyvanii ego v Rossii s 1729 po 1764 god [The notes of courtier jeweler Posier about his stay in Russia in 1729—1764] *Russkaya starina [Russian old time]*, 1870, Vol. 1, № 1, pp. 42—127.
43. Turgenev A.J. *Historica Russiae monumenta, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis depropmta ab A.J. Turgenevio*. Petropoli: Tip. Edward Pratz, 1842, Vol. 2, VII, XIII, 451 p.
44. Theiner A. *Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples*. Rome: Imprimerie du Vatican, 1859, 556 p.
45. Andreev A.N. Dominico Trezzini — starosta rimsko-katolicheskogo prihoda v Sankt-Peterburge [Dominico Trezzini as the warden of Roman Catholic parish in St. Petersburg] *Rossiyskaya istoriya. [Russian History]*, 2014, № 4 (it will be printed).
46. Rossiya i Ispaniya. Dokumenty i materialy. 1667—1917 [Russia and Spain: Documents and materials. 1667—1917]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991, Vol. 1, 467 p.
47. 200-letiyе Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva. 1704—1904 [The 200-th anniversary of the Cabinet of His Imperial Majesty]. St.-Petersburg: Without Publisher, 1911, XX, 148 p.
48. Vozgrin V.E. Primechaniya [References] *Haven P. von. Puteshestvie v Rossiyu [The Wayfaring in Russia]*. St.-Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala "Vsemirnnoye slovo", 2007, pp.209—391.
49. Andreev A.N. Rossiyskiye "inorodtsy" v XVIII veke i zapadno-khristianskoye vliyaniye [Russian "Non-Russians" in 18 century and West Christianity influence] *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarnye nauki» [Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"]*, 2010, volume 15, № 28, pp. 6—11.

Received August 16, 2014